

Ближе к полудню солнце припекало нещадно. Линь Цинфэн, прикрывшись зонтом, присела на корточки и невольно услышала, как мать тихим голосом спрашивает бабушку Фан:

— Что вчера случилось? Почему брат приехал в уезд вместе с Фан Фан, но к нам на обед пришла одна Фан Фан? Она ни словом не обмолвилась, что отец тоже приехал. Если бы ты мне вечером не позвонила, я бы и не узнала, что он был здесь, да еще и напился до беспамятства, чуть магазин не разнес! Разве брат не завязал с алкоголем еще полгода назад? Почему он снова взялся за старое? Может, стряслось что?

— А что еще могло стрястись! — повысила голос бабушка Фан. — Все из-за платы за учебу! Дома уже несколько дней скандалы. Фан Фан присмотрела себе вуз, говорят, обучение стоит двадцать-тридцать тысяч в год, а за четыре года набегит целая сотня тысяч! Сколько твоему брату ковыряться в земле, чтобы накопить такую сумму? Фан Фан от отчаяния места себе не находит. В нашем роду Фан она пока единственный будущий студент, ты должна помочь придумать что-нибудь.

Матери Линь стало горько. Она хотела было сказать, что ее собственная дочь Цинфэн тоже в этом году поступает в институт, но, вспомнив, что та проходит лишь в колледж, промолчала. А бабушка Фан продолжала причитать о своей нелегкой доле:

— Твой брат пошел в отца, такой же бестолковый. Да и у тебя судьба не сахар, вышла замуж за негодяя, который потребовал двести тысяч на развод! Этой суммы хватило бы, чтобы оплатить учебу Фан Фан в двух вузах. Я ведь тогда, когда ты разводилась, одолжила тебе две тысячи. Теперь ты не имеешь права бросить меня и Фан Фан в беде!

Линь Цинфэн, видя, что мать готова уступить, поспешно вмешалась:

— Бабушка, мама развелась уже лет шесть или семь назад. Те две тысячи, что ты одолжила, она вернула тебе еще на первый же Новый год после развода. Все эти годы, за вычетом расходов на жизнь, она каждый цент отдавала тете Хань. Затянув пояса, только к началу этого года она наконец погасила тот долг в двести тысяч. Откуда у нас сбережения, чтобы оплачивать учебу чужих детей, если на мою собственную учебу денег еще нет?

Бабушка Фан сверкнула глазами на Линь Цинфэн:

— А что, когда ты поступаешь, твой отец и его родня никак не помогают? Мать должна тянуть все в одиночку?

Линь Цинфэн с иронией усмехнулась:

— Если даже родная мать вынуждена урезать наши расходы, чтобы оплатить учебу племянницы, на кого мне еще надеяться? Мне вот не повезло иметь бабушку, которая думает только о себе. Если бы моя бабушка по отцу пожила подольше, может, и я бы узнала, что такое нежная привязанность между поколениями.

Мать сердито взглянула на дочь, но развивать тему не стала. В воздухе повисла тишина, слышно было лишь, как сочный сорняк с тихим звуком вырывается из земли. На солнце от него исходил особый травяной аромат, напоминающий запах мороженого из Макдональдса, которое

продают по акции второе в подарок. Это немного успокоило Линь Цинфэн.

Вероятно, испугавшись неловкого молчания, мать тихо спросила о бабушке:

— Почему папа до сих пор не вернулся? Уже почти полдень. Мама, ты вчера по телефону говорила, что его обманули. Что случилось? Разве он не собирался покупать лесной участок вместе с дядей Линем?

— Не напоминай мне об отце! В этой семье никто не дает спокойно пожить, — бабушка Фан снова закипела, лицо ее покраснело. — Говорят, решили с дядей Линем купить участок леса, мол, ухаживать не надо, можно сразу рубить. Залезли в долги, заняли у твоей сестры больше трехсот тысяч, наскребли пятьсот тысяч и купили этот лес. Договор подписали, деньги отдали, а когда пошли на гору рубить деревья, их остановили люди из администрации поселка. Тот делец по фамилии Сюй, который продал им землю, еще в прошлом году потерял право на аренду, участок давно отошел государству. Срок договора истек, рубить там нельзя, а этот Сюй, не желая нести убытки, перепродал участок твоему отцу и дяде Линю. Подписывали договор не глядя, пятьсот тысяч — это ведь не пять и не десять рублей! Взяли и подписали. Вот таких самоуверенных стариков мошенники и ищут.

У матери от этих новостей подскочило давление, перед глазами поплыло, она пошатнулась. Линь Цинфэн вовремя подхватила ее под локоть. Бабушка Фан продолжала причитать:

— Дед теперь каждый день вместе с дядей Линем бежит в управление лесного хозяйства, собираются нанимать адвоката и судиться.

Линь Цинфэн не сдержалась:

— Какой еще суд? Бегите скорее в полицию, может, хоть часть денег удастся вернуть.

Бабушка Фан скривила губы:

— Вернуть? Как же, дождешься! Те мошенники давно след простыл, ищи их теперь. Какой толк от полиции? А если бы удалось забрать этот лес, можно было бы неплохо заработать, хватило бы, чтобы купить дяде несколько квартир в уезде. Посмотрела бы я тогда, как кусала бы локти твоя тетя, алчная до денег особа!

Линь Цинфэн едва сдержала усмешку. Алчность — это слово куда больше подходило самой бабушке. Зная, что их обманули, она все еще грезит о легкой наживе! Дед всегда был трусливым и слабохарактерным, идея с лесом наверняка принадлежала самой бабушке, иначе откуда у деда такая прыть — вытрясти из тети Хань триста с лишним тысяч? А теперь, когда случилась беда, они выставили деда козлом отпущения. Бедный старик, мало того что терпит упреки со всех сторон, так еще и выслушивает проклятия от «главного вдохновителя» аферы. Наверняка где-нибудь в сторонке глотает слезы и жалеет о содеянном.